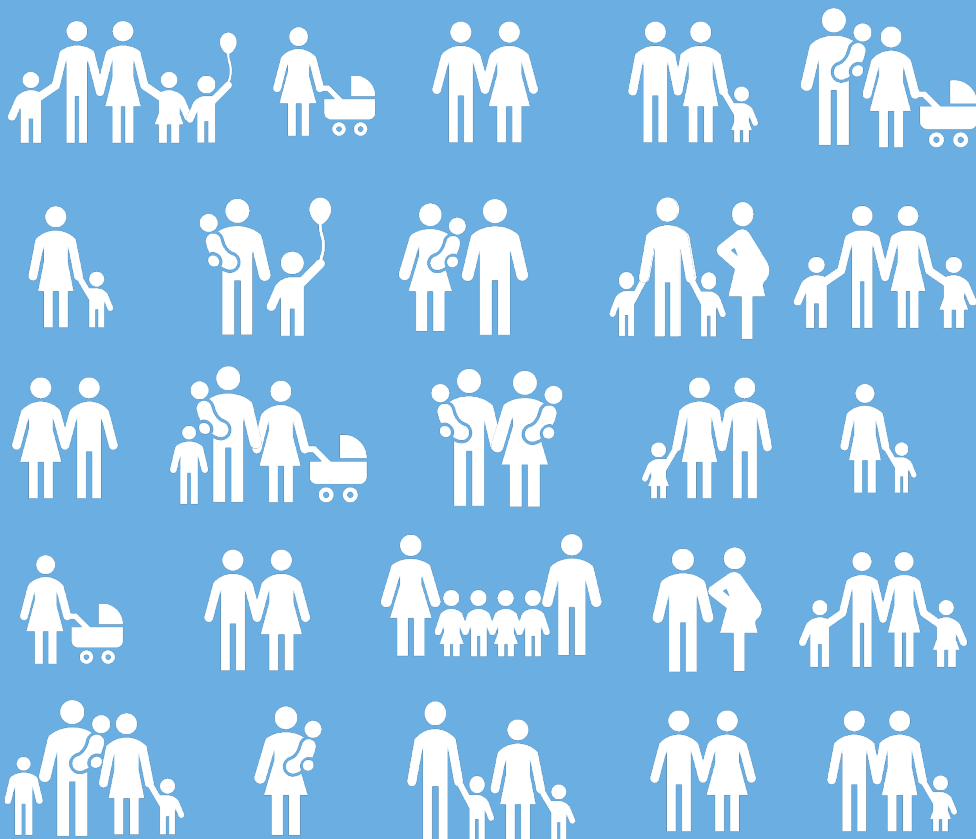

СХОДСТВО И РАЗЛИЧИЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ МУЖЕЙ И ЖЁН

ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОДНОВРЕМЕННОГО
ОПРОСА СУПРУГОВ

Московский государственный университет имени
М.В. Ломоносова
Социологический факультет
Кафедра социологии семьи и демографии

Сходство и различие ценностных ориентаций мужей и жён по результатам одновременного опроса супругов

Коллективная монография

Москва - 2021

УДК 316.36
ББК 60.561.5

Главный редактор: Антонов А.И.
Редакционная коллегия: Ляликова С.В., Карпова В.М.

Рецензенты:

д.соц.н. Ирина Владимировна Журавлева
к.соц.н. Ольга Леонидовна Лебедь

Авторы: Антонов А.И., Карпова В.М., Ляликова С.В., Новоселова Е.Н.,
Синельников А.Б., Жаворонков А.В.

С92 Сходство и различие ценностных ориентаций мужей и жён по
результатам одновременного опроса супругов / под.ред.
А.И. Антонова. М.: Издательство «Перо», 2021. – 240 с. – 3,8 мб.

ISBN 978-5-00171-794-2

Монография является результатом научно-практических исследований коллектива авторов КССиД МГУ, ведущих свою историю с 80-х годов XX века и сосредоточена на анализе внутрисемейного единства супругов. За основу взято актуальное социолого-демографическое исследование, в котором приняло участие около 2500 респондентов из разных регионов РФ. Уникальность исследования заключается в использовании методологии парного опроса, которая позволяет проанализировать не только индивидуальные ответы участников опроса, но и сравнить их с мнением семейного МЫ. Публикация предназначена для социологов, ученых-исследователей, которые интересуются не только семейными феноменами, но и методологическими вопросами в изучении ценностных ориентаций и установок населения.

Ключевые слова: внутрисемейная сплоченность, близость взглядов, семья, фамилистические ценности, воспитание, репродуктивное поведение, здоровье, самосохранительное поведение.

ISBN 978-5-00171-794-2

© КССиД социологического факультета
МГУ имени М. В. Ломоносова, 2021
© Авторы монографии, 2021
© Оформление. ООО «Перо», 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА	5
Глава I ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СУПРУГОВ В СЕМЬЯХ С РАЗНЫМ ЧИСЛОМ ДЕТЕЙ И С СОВПАДЕНИЕМ ИЛИ НЕСХОДСТВОМ МНЕНИЙ МУЖЕЙ И ЖЕН	13
Внутрисемейные коммуникации и интеракции, межличностные и ролевые взаимоотношения супругов	13
Дифференциация репродуктивных событий и ориентаций мужей и жен в семьях с совпадением установок в зависимости от потенциала детности и в связи с фреймированием рутинных и проблемных ситуаций репродуктивного цикла супругов	29
Глава II СПОСОБЫ ОЦЕНКИ БЛИЗОСТИ ВЗГЛЯДОВ СУПРУГОВ...	44
Методологические замечания о способах оценки близости взглядов супругов.....	45
Формирование социально-демографических характеристик семьи	64
Формирование групп респондентов по степени близости взглядов.....	68
Социально-демографические характеристики семей с разной степенью близости взглядов.....	69
Факторы близости взглядов супругов.....	74
Влияние близости взглядов на оценку взаимоотношений ...	79
Глава III СВЯЗЬ СЕМЕЙНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ С ОЦЕНКАМИ СУЖДЕНИЙ О ДЕТЯХ, СЕМЕЙНОМ БЛАГОПОЛУЧИИ И МЕРАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕМЕЙ.....	84
Изменения за сорок четыре года - общая картина	85
Соответствие в оценках и практиках за рассматриваемый период	91
Сопряженность семейных ориентаций с некоторыми признаками	97

Внутрисемейная сплочённость.....	102
Оценки факторов семейного благополучия	108
Оценки воспитательной роли различных институтов.....	109
Картина наиболее выраженных характеристик мнений	111
Отношение к мерам государственной поддержки.....	116
 Глава IV ВНУТРИСЕМЕЙНОЕ СОГЛАСИЕ В КОНТЕКСТЕ ПРИОРИТЕТНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СОБЫТИЙ: СОЦИАЛЬНО- ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	 123
Теоретические и эмпирические подходы к определению понятия ценностей.....	123
Иерархия жизненных событий у мужчин и женщин	138
Единство семейных взглядов в событийном континууме ..	152
 Глава V РАЗЛИЧИЯ МНЕНИЙ СУПРУГОВ О СЕМЕЙНО- ДЕТНОМ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ	 158
Признаки семейной жизни	158
Мнения о необходимости регистрации брака.....	171
Моральное право разлюбивших супругов на развод в семьях с детьми.....	179
Мнения респондентов о том, включает ли благополучие в себя семейно-детный образ жизни.....	184
 Глава VI ЗДОРОВЬЕ КАК ЖИЗНЕННАЯ ЦЕННОСТЬ	186
И РЕАЛЬНАЯ ПРАКТИКА	186
Здоровье как декларируемая и фактическая ценность.....	186
Субъективные оценки состояния здоровья супругами.....	205
Поведенческие практики здорового образа жизни.....	213
 ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКТОРА.....	236

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

В монографии анализируются данные социолого – демографического исследования, выполненного при поддержке **РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01037 «Межрегиональные исследования жизненных ценностей и нетранзитивности семейно-детных ориентаций женщин, мужчин и семейных пар на основе сквозного анализа сопоставимых данных (1976- 2020 гг.)»**. В 2018-19гг. в ряде регионов РФ было опрошено около 2500 горожан (примерно 1250 семейных пар) с применением уникальных методик одновременного опроса мужей и жен, позволяющих производить сопоставления с результатами индивидуальных и парных опросов супругов в 1976, 1978, 1981, 1987, 2000, 2004, 2010-14-16 гг.

Данное исследование является теоретико-методологическим продолжением цикла выборочных национальных и межрегиональных исследований, осуществленных под научным руководством А.И. Антонова и В.А. Борисова в 1976 - 1983гг. сначала в Центре по изучению проблем населения на экономическом факультете МГУ, и затем в 1983 - 91 гг. в Институте социологии АН СССР, а с 1991 года по настоящее время - на кафедре социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ. За прошедшие десятилетия был сформирован совокупный массив информации, включающий свыше 20000 анкет по опросу индивидов и супружеских пар.¹ В

¹ Результаты исследований представлены в: Борисов В.А. Демографическая дезорганизация России:1897-2007. М.2007; Борисов В.А. Перспективы рождаемости.М.1976; Антонов А.И. Социология рождаемости. М.1980; Семья и дети / под ред. А.И. Антонова. МГУ.1982; Антонов А.И., Медков В.М. Второй ребенок. М.1987; Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. М.2000; Антонов А.И., Карпова В.М., Медков В.М., Синельников А.Б. Мониторинг демографической ситуации в РФ и тенденций ее изменения. МГУ.2008; Антонов А.И., Медков В.М. Архангельский В.Н. Демографические процессы в России XXI века. М.2002; Антонов А.И. Семейный образ жизни в сельской России. М.2007; Антонов А.И. (отв.ред.).Фамилистические исследования. Том 2. М.2009; Антонов А.И. (отв.ред.). Демографические исследования. М.2009; Синельников А.Б. Медков В.М. Антонов А.И. Семья и вера в социологическом измерении. М.2009; Семья, дети – жизненные ценности и установки: итоги социологического опроса. Отв.ред. А.И.Антонов. М.2015; Семьецентризм: миф или реальность? Под ред. А.И.Антонова.

имеющемся тезаурусе цифровых значений инструментария соблюдается преемственность и единообразие ключевых блоков в целях сопоставимости измерительных средств, что позволяет осуществить и поперечный, и продольный анализ данных, выявить тренды изменений поведенческих феноменов, динамику зафиксированных фактов.

Исследование СеДОЖ-2019 проводилось среди городского населения ряда регионов России: Башкорстана (Уфа и другие города), Владимирской, Курской и Свердловской областей, Краснодарского края, Москвы и Московской области и др. По объемной анкете (свыше ста закрытых и полузакрытых вопросов) в 2018-19гг. опрашивались супруги от 18 до 60 лет в целях изучения семейно-детного образа жизни. Сложность одновременного опроса оказалась связанной с отказами от опроса и с прерыванием его одним из супругов, а также с неправильным заполнением анкет,² вследствие чего выборочная совокупность сократилась до 2489 респондентов. тем не менее она оказалась близкой по социально-демографическим параметрам микропереписи 2015 года. Для большинства опрошенных брак является первым и стаж около 18 лет, тогда как для сожительствующих (10% выборки) примерно 6 лет. У 87.7% респондентов есть дети, среди семей 13.5% состоят из 5 и более человек, 26.9% - из 4 человек, треть (32.1%) - из 3 человек, около четверти (26.2%) оказались супружескими парами без детей. При обсуждении результатов опроса посемейный анализ дополняется индивидуальными данными отдельно по мужчинам и женщинам.

Рассмотрение эмпирического материала таким образом базируется на сочетании анализа посемейного и индивидуального, и осуществляется в рамках фамилистической теории институционального кризиса семьи и воспроизводства

М.2016; Семейно-детный образ жизни: результаты социолого- демографического исследования. Авторы: А.И.Антонов, В.М.Карпова, А.В. Жаворонков, А.Б. Синельников, Е.Н. Новоселова, С.В. Ляликова, Т.Н. Грудина. М.2018; Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ-2019). Авторы В.М. Карпова, С.В. Ляликова и др. Под ред. А.И. Антонова. М. МАКС Пресс.2020 (электр. изд.).

² Тщательный контроль за работой интервьюеров и применение тестов на добросовестность заполнения вопросников респондентами позволили забраковать свыше 1000 анкет и обеспечить надежность собранной информации.

населения. Для современного состояния демографии и социологии населения характерно (как для всех нормально развивающихся наук) противостояние и конкуренция двух парадигм, полярных подходов к постановке и определению проблем динамики населения. В популярной теории первого и второго демографических переходов ключевым вопросом является перспектива «перенаселенности» и ее «негативных последствий» для мира в целом и отдельных стран. Снижение рождаемости ниже критического значения суммарного коэффициента и распространение малодетности и альтернативных браку и семье феноменов, рассматривается не с точки зрения краха семьедеятности и угрозы расширения депопуляции для функционирования социума, а в позитивном ракурсе устранения «перенаселенности» и связанных с ней «бедствий» посредством механизма «демографической саморегуляции».³

Современные тенденции модернизации общества везде в мире, увы, ослабляют побуждения к вступлению в брак, к рождению и воспитанию детей, к заботе о физическом и нравственном здоровье детей, к сохранению брака и стабильности семьи. Статистические и социологические данные показывают массовое распространение таких явлений, как ранняя сексуальность, сожительство, большое количество матерей-одиночек, малодетность семьи, снижение заинтересованности в устойчивости брака и семьи, рост разводов и неблагополучия повторных браков, депривации детей от родителей и наоборот, снижение ответственности членов семьи, прежде всего ответственности отцов и матерей.*

Приведем некоторые цифры по трем последним переписям 1989 – 2002-2010 гг. Число состоящих в браке уменьшилось с 72,5 млн до 67,9 млн человек, число семей сократилось с 36 млн до 34 млн, при этом 3 млн супружеских пар состоят в незарегистрированном браке, увеличилось число никогда не состоявших в браке с 18 млн до 25 млн, вдовых – с 12,3 млн до 13,5 млн, число разведенных – с 7,9 млн до 11,2 млн. Ежегодно расторгается около 800 тыс. браков и примерно 400 тыс. детей

³ Вишневский А.Г. Демографическая история и демографическая теория. М.2019.

остаются, как правило, без отца. Распространение сожителств привело к удвоению рождений вне брака, которое составило 30% от всех рождений. Доля семей с несовершеннолетними детьми до 18 лет сократилась с 62 до 52% (21,3 млн), при этом уменьшился процент домохозяйств с двумя детьми – с 23 до 15%, с тремя и более детьми – с 6 до 3%, увеличилась доля с одним ребенком – с 30 до 34%, доля бездетных домохозяйств выросла с 39 до 48%. В 2003 г. ежегодное число детей, отобранных у родителей в связи с лишением их родительских прав, составило 60 тыс. В 2002 г. было совершено 140 тыс. преступлений несовершеннолетними (делинквентность) из общего числа в 2,5 млн преступлений. В 2003 г. общая численность детей-сирот составила 700 тыс. (2,6% от всех несовершеннолетних детей), половина из них находится под опекой и попечительством, 20% усыновлены, остальные 30% содержатся в государственных домах ребенка, детских домах, школах-интернатах. В 2004 г. количество беспризорных детей выросло до 700 тысяч.

В парадигме демографической модернизации и брачно-семейного плюрализма считается, что все эти факты вовсе не являются доказательством институционального кризиса семьи и общества, а всего лишь фиксируют перемены «прогрессивного» перехода от «патриархальной» семьи с ее якобы «неравноправным» распределением ролей между членами семьи к семье «современной, равноправной, эгалитарной», которая присуща странам с высоким уровнем экономического развития. Отсюда делается вывод, что, например, в нашей стране, по мере повышения уровня и качества жизни все деструктивные процессы в области семьи и брака будут устраняться сами собой, поэтому требуется время, для того чтобы «старое» и «плохое» состояние семьи было заменено «новым» и «хорошим».

Однако результаты социологических исследований, проведенных в 70–90-х гг. и в 2000–2020 годы, свидетельствуют о девальвации семейных ценностей и ролей, ослаблении установок и мотивов семейного поведения, снижении потребности в семье и детях, подмене их потребностями в успехе на профессиональном поприще, в престижном времяпрепровождении и потреблении

разного рода благ, и т.п.⁴ В конце 60-х гг. в нашей стране сформировались массовый отказ от пожизненного брака, массовая потребность в двух детях, которая реализовалась не полностью, а частично в зависимости от жизненных обстоятельств, массовое стремление к совмещению семейного воспитания детей с общественным. В итоге мы пришли к нынешнему суммарному коэффициенту рождаемости – 1,5 ребенка, которые рождаются одной женщиной в течение репродуктивного периода.

Это число детей является интегральным выражением всего образа жизни семьи и личности, показателем снижения социального и воспитательного потенциала семьи. Величина коэффициента символизирует собой социальный отказ даже семейного населения от родительства с несколькими детьми в пользу родительства с одним ребенком, в браке или вне брака. Подобный факт стоит в одном ряду с отказом от ответственного отношения к воспитанию детей, от родительской ответственности за нравственное формирование детей, что проявляется не только в уклонении от родительского долга, в предоставлении моделей или образцов подобающего поведения, но также в отказе от новорожденных, в депривации родителей от детей, в побегах детей из дому, в физическом насилии над детьми и т. д.

Возникновение нового типа бедности двухзарплатных семей, когда профессионально занятые отец и мать не могут поддержать на уровне прожиточного минимума даже одного ребенка, является лишь фоном, а не причиной ухудшения семейного воспитания. Именно снижение ценности семейного образа жизни, массовый социальный отказ от воспитания нескольких (3–4) детей в семье оказались фактором социального отчуждения родителей от детей и тем самым социального

⁴ См.: Борисов В.А. Демографическая дезорганизация России:1897-2007. М.2007; Антонов А.И., Борисов В.А. Динамика населения России в XXI веке и приоритеты демографической политики. М.2006; Демографические исследования. М. КДУ.2009; Новое в зарубежной демографии (Демографические исследования. Вып.24.) МГУ.2015; Региональные особенности демографического развития России в XXI веке. М.2019; Журавлева Е.К., Копцева О.А. Трансформация семьи и демографическая политика России.М.2017.

сиротства детей при наличии живых родителей. Формальное отношение к воспитанию, имитация семейного воспитания посредством престижного потребительства, охалтуривание родительства – неизбежные спутники ослабления ценности семьи и детей, преобладания кризисной семьи - преимущественно малодетной и многоразводной.

Тем не менее, социальный потенциал семьи даже в условиях затяжного кризиса института семьи, деградации семейного образа жизни в обществе, пока еще остается поддающимся воздействиям, направленным на самотрансценденцию членов семьи, на упрочение семейности не только в материальном отношении, но и с точки зрения роста безусловной ценности семьи в глазах личности, поворота в сторону семьецентризма различных социальных общностей и организаций, всего общества в целом. Семья как таковая с ее опытом самоограничения интересов личности во имя благополучия отдельных Я через посредство упрочения единства общесемейного Мы в процессах совместной деятельности родителей и детей в контексте труда, образования, отдыха и рекреации способна стать основой преобразования социума (вовлеченного в гонку за прибылью, престижным статусом и успехом). Новая модель семьи в состоянии противостоять одномерным антиподам семейности в качестве мощного фактора сплочения и совместимости разных Я в едином семейном Мы. Именно семья как основа гуманизма и фамилистической цивилизации остается важнейшей молекулой современного общества, вступившего на скользкий путь бессемейности и одиночно холостяцкого существования эгоцентристов.

Даже в условиях пандемии коронавируса возможно расширение социального потенциала семьи и реализации его ресурсов. Длительная изоляция от мест приложения труда и образования, активизация дистанционного обучения детей на дому, вынужденное ограничение непосредственных контактов людей в сфере производства, в торговых и культурных центрах, на транспорте способствует локализации совместной деятельности родителей и детей в циклах труда и отдыха, домашнего обучения родителями своих детей. Светлая утопия А. Тоффлера о семьецентризме «третьей волны» и перемещении многих сфер

деятельности в лоно семьи, о превращении семьи в офис, колледж, дом культуры и быта в притягательный сплав социальной активности, неожиданно обернулась сумерками «удалёнки» в эру локдауна всего мира.

Социологические исследования призваны снабжать общественное мнение эмпирическими данными о происходящих процессах, в том числе связанных с формированием общесемейных установок, проявлениями совместимости как феномена системности семьи, а также со сложным взаимодействием диспозиций всех видов семейного поведения и прежде всего репродуктивного поведения личностного Я и семейного Мы.

Цифровой тезаурус настоящего межрегионального исследования, следует трактовать в широком социальном контексте, поскольку социальные нормы, установки и ориентации оказываются сложным и противоречивым итогом взаимодействия семьи со всеми внесемейными институтами современного социума.

Данную книгу целесообразно рассматривать как своеобразное продолжение и обобщение итогов исследований 1976-2000-2014 -2016 гг., представленных в предшествующих публикациях авторов, и прежде всего в монографиях «Семья, дети –жизненные ценности и установки: итоги социологического опроса населения в регионах России» (2015), «Семьецентризм: миф или реальность?» (2016) и «Семейно-детный образ жизни: результаты социолого-демографического исследования» (2018), где подробно обсуждаются основные положения и термины теории кризисной трансформации института семьи, концепция и программа межрегиональных исследований.

Авторский коллектив выражает благодарность соисполнителям в регионах за их вклад в осуществление выборочного опроса и процедуры одновременного анкетирования супружеских пар, научным сотрудникам Уральского федерального университета имени Б.Н. Ельцина, Башкирского филиала социологического центра РАН, Вологодского научного центра РАН, Курского государственного медицинского университета за помощь в организации трудоемкого этапа исследования по сбору эмпирических данных.

Авторы благодарят наших добровольных помощников – студентов МГУ и других вузов за помощь в сборе социологической информации.

Особая признательность авторского коллектива – главным героям межрегионального исследования – самоотверженным матерям и отцам, респонсивным мужьям и женам, решившимся рассказать о себе и о семье, тем, кто ради науки пожертвовал своим свободным временем при заполнении многостраничной анкеты.

Руководитель коллектива исследователей по гранту РФФИ, заслуженный профессор МГУ, лауреат социологической премии и медали имени Питирима Сорокина, обладатель золотой медали Валентеевских чтений по демографии 2012 г. зав.кафедрой социологии семьи и демографии
А.И. Антонов

Авторство по главам книги:

- 1 гл. – д.ф.н. А.И. Антонов,
- 2 гл. – к.с.н. В.М. Карпова,
- 3 гл. – д.с.н. А.В. Жаворонков,
- 4 гл. – ст.нтс. С.В. Ляликова,
- 5 гл. – д.с.н. А.Б. Синельников,
- 6 гл. – к.с.н. Е.Н. Новоселова.

Оформление рукописи – С.В. Ляликова.

Компьютерная программа разработки данных – В.М. Карпова.

**Подробнее с результатами исследования можно
ознакомиться в аналитическом отчете:**

Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ–2019): Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования; Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова/ под ред. А.И. Антонова. М.: МАКС Пресс, 2020. - 486 с. DOI: 10.29003/m857.SeDOJ-2019

Глава I ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПАРАМЕТРОВ И ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ СУПРУГОВ В СЕМЬЯХ С РАЗНЫМ ЧИСЛОМ ДЕТЕЙ И С СОВПАДЕНИЕМ ИЛИ НЕСХОДСТВОМ МНЕНИЙ МУЖЕЙ И ЖЕН

В данной выборочной совокупности с явным преобладанием зарегистрированных браков с детьми, семья как система взаимодействия ее членов, двусторонних (прямых и косвенных) контактов, семья как целостность, а не сумма ее составных частей, т.е. согласованное единство супружества-родительства - родства не может не быть основной единицей наблюдения. Одновременный опрос супругов позволяет осуществить посемейный анализ полученных данных, где сопоставляются мнения мужей и жен на предмет их совпадения. Факт совпадения важен не сам по себе, а как составной элемент в ансамбле ряда согласований, в поле согласованного взаимодействия, в тезаурусе ПСВ, совместимости семьи.

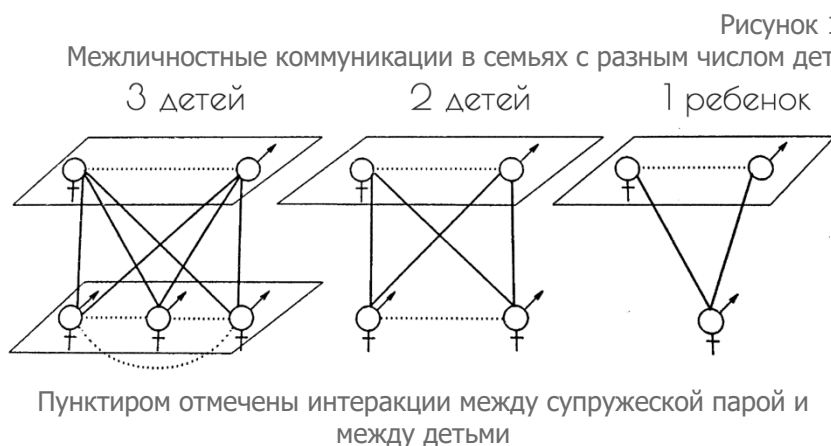
Наряду с парным анализом внутрисемейных интеракций с их новым системным содержанием семейной совместимости применяется также по отдельности анализ данных мужей и жен, т.е. рассматривается различие ответов на анкету двух гендерных категорий так, будто единицей наблюдения является не семья, а индивид и где респонденты представляют условно отдельные категории женщин и мужчин. Сопоставление индивидуальных данных и посемейного анализа находится в центре внимания в связи с задачей измерения совместимости ценностных ориентаций, когнитивного сходства супругов и их эмоциональных сопереживаний. Но достигается это в рамках анкетного опроса с использованием проективных методик посредством выявления степени совпадения мнений респондентов относительно их репродуктивных установок и ценностных ориентаций.

Внутрисемейные коммуникации и интеракции, межличностные и ролевые взаимоотношения супругов

В социологии семьи огромное значение придается семейной структуре как независимой переменной, определяющей многие

параметры личности и семейного общения, семейных взаимоотношений. В парадигме фамелизма уделяется большое внимание структуре социокультурных и межличностных ролей семьи, структуре интеракций (двусторонних взаимодействий), структуре влияния и лидерства, а также составу – размеру семьи и числу детей в семье. При этом детности многими специалистами придается особый социальный смысл – это не просто число, цифра, а индекс, вбирающий в себя все многообразие семейного бытия и в количественной форме выражающий социальную сущность образа жизни семьи и личности.

Структура семьи по числу детей имеет, таким образом, интегральный характер, и, следовательно, различие между однодетными, двухдетными и трехдетными семьями ярче всего отражает специфику жизненного уклада (соотношение циклов труда, потребления, отдыха, доходов и расходов, трат рабочего и свободного времени, также характеризует стиль общения, способы жизни и поведения, потребности, интересы, ориентации). Именно поэтому генерализованный показатель детности в качестве индикатора семейно-детного образа жизни взят за основу в настоящем опросе.

Системные качества семьи как малой группы наглядны при сравнении структур коммуникации в семьях трехдетных, двухдетных и с одним ребенком. Число интеракций (двусторонних

контактов) в паре жена- муж равно 1, в однодетной семье -4 (отец-ребенок, мать-ребенок, родители –ребенок), в двухдетной семье - 11, в трехдетной семье -26, в четырехдетной -57 (между родителями и детьми 9 – 21 – 45 соответственно). Скудность взаимодействий в семье с единственным ребенком налицо (см.рис.1.1).

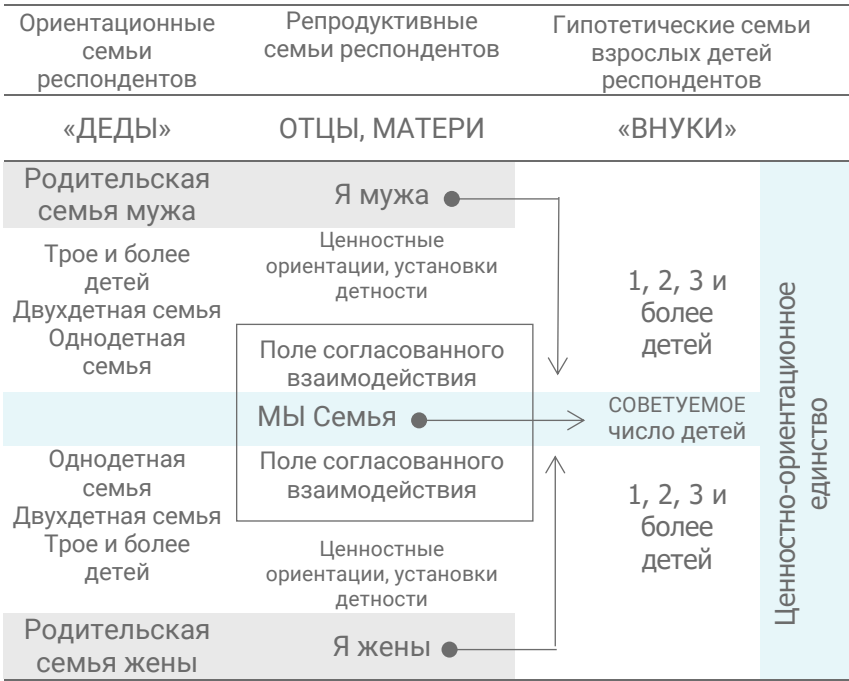
В двухдетной семье за счет парных трансакций растет число контактов, но собственно групповых взаимоотношений нет ни в детской, ни в родительской диаде. Групповые интеракции возможны лишь в группах детей, начиная с 3 детей и с точки зрения структурно-ролевой, идеальной по многообразию взаимоотношений является среднедетная семья с 4 детьми (двумя парами сыновей и дочерей), уступающая по плюрализму контактов лишь полной многодетной семье с разнополыми триадами.

Пара супругов имеет всего одну двустороннюю коммуникацию и для того, чтобы она действовала как целостность необходимо совпадение интересов, лад, взаимность, то что образует ценностно-ориентационное единство (ЦОЕ), т.е. совместимость как согласованность взаимопонимания и сопереживания супругов. В случае одновременного опроса отцов-матерей-подростков семейное ПСВ поле согласованного взаимодействия (семейное МЫ) включает в себя согласованность диад родительских с диадами, триадами и одиночными монадами коммуникаций.

В данном исследовании изучались супруги по фактическому числу детей и по их репродуктивным ориентациям - не было при этом измерения ориентаций подростков подобно тому, как это делалось в опросе сельских семей в 2004-2005 гг. (см. А.И. Антонов «Семейный образ жизни в сельской России»). Однако, фиксировались мнения мужей и жен о том числе детей, какое им хотелось бы видеть в будущем у своих выросших наследников (индекс советуемого родителями числа детей). Советы детям это имплицитные экспектации относительно возможного числа внуков. При прямом вопросе об этом могут активизироваться декларативные мнения респондентов близкие идеальному числу детей, т.е. сколько лучше всего вообще иметь детей, - в рассматриваемом случае - внуков (тут работает

стереотип «чем больше, тем лучше», демонстрирующий компетентность респондента относительно понимания им общественной значимости роста населения или отсутствия убыли населения при смене поколений).

Рисунок 1.2
Семейные линии трехпоколенной преемственности по числу детей

На рис. 1.2 схематично представлен интерес авторов одновременного опроса мужей и жен к выяснению того, как складывалась фактическая детность семьи респондентов. Отсюда внимание сфокусировано на ценностных и репродуктивных ориентациях супругов, на степени согласованности (и нетранзитивности) их в зоне (поле ПСВ - согласованного взаимодействия), т.е. на единстве ценностных

ориентаций ЦОЕ - на семейном МЫ, ведущим к различным результатам реализации потребности в семейности через определение ситуаций семейно-репродуктивного цикла жизни. Фактическое число детей в семье респондентов рассматривается как итог общесемейного фреймирования супружеским МЫ социальных ситуаций как способствующих, либо препятствующих реализации имеющегося уровня репродуктивных установок. Поэтому важнейшим параметром эмпирического исследования становится выяснение совпадения мнений супругов, степени схождения ориентаций и установок, т.е. совместимости брачной пары как высокой степени схождения когний (взаимопонимания) и эмоций (эмпатии, сопереживания). Неизбежное наличие несовпадений установок индивидов есть индекс нетранзитивности, иррациональности диспозиций, динамики социально-психологической регуляции поведения личности и семьи.

В свою очередь несходство ориентаций может говорить о направленности стремлений акторов семейной драмы к согласию и конгруэнтности, либо о склонности к своеволию, к автономии и дистанцированию от требований общности, склонности к контрсуггестии – отчуждению и отстранению от уклада, что продуцирует неустойчивость, упадок взаимоотношений, стабильность семейного лада И коли здесь речь зашла о детности трех семейных поколений родителей – их детей и внуков, то сначала целесообразно при внимании к репродуктивной семье наших респондентов выяснить наряду с этим наличие братьев и сестер в ориентационной семье их родителей.

Таким образом, особенности детности в родительских семьях мужей и жен дают возможность проследить линии семейной преемственности. Выяснение у малодетных и многодетных супругов того, сколько было детей в их родительских семьях позволит определить линии малодетности и многодетности в ориентационных и репродуктивных семьях респондентов. При этом данные о советуемом родителями числе детей (в связи с отсутствием информации о репродуктивных ориентациях самих детей) дадут возможность судить о детности трех поколений, о линиях семейно – детной преемственности. Конечно, советуемое число это лишь итог рефлексии

респондентов относительно детности в родительских семьях супругов и также относительно своего репродуктивного опыта, но ни в коем случае не детность в будущих семьях своих взрослых детей.

Рассмотрим полученные данные – в семье родителей респондента (напомним, таковых 2489 мужей и жен) в среднем по выборке названо 2.4, а в семье супруга/и/ респондента в той же самой выборке называется 2.3 детей. При этом следует учесть, что о семье своих родителей респонденты знают не понаслышке, а из личного опыта 1280 мужчин и 1209 женщин, тогда как о родителях супруга/и/судят скорее со слов других. Любопытно, что респонденты –мужчины (впрочем, как и женщины) в ситуации парного опроса оказываются одновременно и «актером» и «значимым другим», и отсюда идут незначительные расхождения в мнениях об одном и том же объекте суждения. Например, мужья, говоря о детности своей родительской семьи отмечают меньший процент однодетных 18.7% и двудетных (46.2%) семей, чем жены, которые в семьях своих родителей указывают соответственно 20.1% и 48.1%. При этом мужья фиксируют «у себя» наличие 3 и более детей в 31.8% случаев, а жены - в 29.9%. Однако, мужья, говоря о родительских семьях жен отмечают 20.7% однодетных, 50.3% двудетных и 26.3% с тремя и более детьми. Мужья завышают долю малодетности у родителей жены и занижают на 3.6% -многодетности. Жены также завышают доли с 1-2 детьми у родителей мужа, и занижают на 2.2% -многодетности. Итак, супруги завышают малодетность в семьях родителей, и занижают наличие 3 и более детей у них, что повлияло на несколько меньшую в среднем детность.

Таблица 1.1

Семейно-детная преемственность трех поколений

Ориентационные семьи респондентов	Репродуктивные семьи респондентов	Гипотетические семьи (советуемое ЧД)
2.4 - в семье респондента 2.3 - в семье супруга(и)	1.4 - в среднем, 1.5 - зарег.браке, 1.6 – есть дети, в т.ч. 12.2% - многодетных, 43.1% - двудетных, 44.7% - однодетных	2.3 ребенка - в среднем, что близко к индексам 2.0 - ожидаемого ЧД 2.5 – идеального ЧД 2.7 - желаемого ЧД
По мнению 1126 мужей 30.4% семьи с 3+ 69.6% семьи с 1-2 По мнению 1118 мужей 14.7% - оба из семьи 3+ детей 31.1% - один из семьи 3+ 54.2% - оба из семьи 2-1 детей	По мнению 1126 респондентов- мужей у 493 совпали установки, из них 52.5% - на многодетность, среди которых 34.8% имеют 3+ детей 65.2% - с 1-2 детьми	Советуемое ЧД супругами, где один или оба из родительской многодетной семьи с совпадающими РУ на многодетность у обоих (одного) супругов Советуют 10.7%=РУ 3+ 19.2%=РУ 1-2 с совпадающими установками супругов на 1-2 детей
По мнению 1125 жен 14.2% - оба из семьи 3+ 32.3% - один из семьи 3+ 53.5% - оба из семьи 2-1 По мнению 1128 жен 30.5% - семьи с 3+ 69.5% - семьи с 1-2	По мнению 1128 жен – респондентов у 491 совпали ориентации на ЧД, из них у 52.5% - многодетность, среди которых 41% уже имеют 3+ 59% с 1-2 детьми	

СЕМЕЙНОЕ МЫ

Сорокалетние и старше респонденты в родительских семьях своих и супруга, напротив снижают процент малодетности и увеличивают долю многодетности; с ростом образования респондентов увеличивается процент малодетных и заметно снижается доля многодетных семей; состоящие в зарегистрированном браке в сравнении с не состоящими в нем называют меньшее число однодетных родителей своих и супруга/и/, несколько большее - многодетных, но лишь в семьях родителей супруга/и/. Верующие отмечают меньшую однодетность своих родителей и больше на 3.3% их трехдетность,

тогда как у неверующих больше двухдетных родителей супруга/и/ и меньше многодетных на 4.6%. Имеющие двоих детей до 18 лет отмечают у своих родителей наибольший процент двухдетности 58.5%, наименьший –однородности -14.2%, и 26.8% семей многодетных. Респонденты с тремя и более детьми называют соответственно 40.5% двухдетных семей, 38.6% -многодетных и 18.5% однопородных семей, тогда как в семьях супругов соответственно 46.3% - 29.8% - 21%. Респонденты с разным доходом =менее 20 т.р. = 20-50т.р.= свыше 50 т.р. отмечают одного ребенка в семье своих родителей 18.2%-19.5%-23.8% (в семье супруга/и/ соответственно 18.0% - 19.2% - 21.3%). По самооценке респондентами своего дохода как «ниже среднего –как у всех» - выше среднего» прямая связь однопородности с доходом исчезла применительно к семье своих родителей (вот соответствующие цифры 19.2% - 19.5% - 19.1%) и почти превратилась в обратную связь применительно к родительской семье супругов (20%-21%-17.5%).

Однако по наличию двухдетной семьи у своих родителей наблюдается четкая прямая связь по самооценке дохода респондентами 40.7 - 49.0-51.5% и несколько смазанная по фактическому доходу 43.2% -49.9- 48.9%. С ростом фактического дохода респондентов называется все больший процент двудетности в семье родительской супруга/и/=45.1-52.9- 54.5%%, тогда как по самооценке дохода связь прямая остается, но не столь четкая 41.9 -52.0 -51.9%%. Наиболее отчетливо заявила о себе обратная связь между увеличением фактического дохода и дохода по самооценке относительно наличия многодетности в родительских семьях своих и супружеских (37.6% -28.3% – 25.3% по фактическому доходу и 39.6% -30%- 23.7% по самооценке дохода по родителям респондента).

Эти пространственные суждения потребовались здесь для того, чтобы подчеркнуть, что даже по такому параметру как число детей в родительской семье респондента-мужа и респондента-жены наблюдаются расхождения мнений в выборке, пусть незначительные, но все же несовпадения оценок в супружеской паре. Показательны цифры по доходу, поскольку с ростом его увеличивается уровень притязаний на внесемейные аспекты социального бытия личности. Сопоставления данных по

имеющимся уровням дохода с самооценками его свидетельствуют о том, что ценность семейственности не включается в уровень притязаний нынешних малодетных семей.

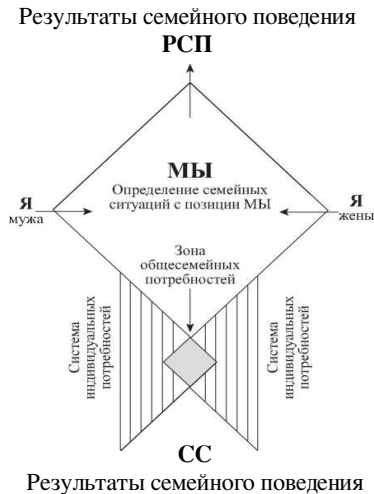
Следует отметить, что по мнению 1128 давших ответы жен в выборке имеется 69.5% малодетных семей (784) и 30.5% (344) семей с 3 и более детьми, такие же ответы получены от 1126 мужей – 784 малодетных семей и 342 семьи многодетных. Сходство мнений также обнаруживается по ответам жен и мужей относительно того из каких семей они сами. Оба из малодетных семей родителей по мнению 1125 жен - 53.5%(602), по мнению 1118 мужей – 54.2%(606); один из супругов из многодетной семьи - 32.3% (363) и 31.1%(348); оба из многодетной семьи – 14.2% (160) и 14.7% (164).

По мнению жен, совпадающих с мужем по желаемому числу на многодетность (258), считают, что оба из многодетной семьи 21.2% и 45.8% - увы, оба - из малодетной семьи (это непоследовательность). Однако, по меньшему числу совпадений на малодетность (223), напротив в 3 раза больше преемственность - 66% оба из малодетных семей, и в 5 раз меньше нетранзитивность – лишь 8.5% супругов из многодетных семей родителей. Влияние ведущих социальных норм малодетности здесь налицо, тем не менее наличие нетранзитивности допускает латентное наличие некоего потенциала, предполагающего возможный выход за пределы норматива.

По мнению мужей среди ориентированных на многодетность (257) оба оказываются выходцами из многодетной семьи родителей в 2,5 раза реже, чем из малодетной – 18% против 46.8%. Среди ориентированных на малодетность по совпадениям (228), оба вышли из малодетных семей – 63.3%, т.е. в 6.5 раз больше, чем из многодетных (9.7%). Надо отметить, что из 784 малодетных семей лишь у 29% совпали установки мужа и жены на 1-2 детей, тогда как среди 344 семей с 3 и более детьми совпадений на многодетность было больше в 2.6 раза – 75%. Чем больше фактическое число детей в семьях респондентов, тем больше совпадающих установок супругов на многодетность и наоборот, чем выше сходство установок жен и мужей на многодетность, тем вероятнее их реализация и выше процент семей с тремя и более детьми.

Рисунок 1.3

Общесемейное поведение МЫ как итог согласованного взаимодействия диспозиций индивидуальных Я супругов

(МЫ - зона определения ситуаций, совпадения потребностей, установок и ценностных ориентаций)

Для выяснения степени семейной совместимости супругов наряду с учетом фактической детности был сконструирован индекс согласованности взаимодействий относительно репродуктивных ориентаций. По показателям предпочитаемого числа детей (желаемое, ожидаемое и идеальное число) в каждой отдельной семье рассматривались ориентации супругов и затем распределялись по нескольким группам в зависимости от совпадения–несовпадения ориентаций в паре, причем совпадения на уровне одного ребенка образовывали однодетные ориентации, двоих детей – двухдетные ориентации и троих детей – трехдетные ориентации. В смешанных типах фреймов объединялись несовпадающие ориентации: на малодетность и многодетность. Таким образом, по совпадающим ориентациям выделялись две группировки (по малодетности (1 - 2 ребенка) и по

многодетности (3 и более детей)), по несовпадающим – три группировки в пределах малодетности (1–2), многодетности (3+) и еще смешанная группировка (1-2–3+), всего 5 типов.

Как можно объяснять совпадение репродуктивных ориентаций мужей и жен? Прежде всего, это выражение ценностного единства супружества-родительства, отражение семейного МЫ, но без учета ориентаций детей (подростков). Итак, если у супругов совпадение на уровне 3, то, значит, налицо фамилистическая направленность, а если на уровне 1, тогда следует констатировать перевес внесемейных ценностей (совпадение на уровне 2 отражает малодетный образ мыслей, малодетоцентризм).

Далее, совпадение ориентаций может быть не следствием ценностного единства ЦОЕ, не итогом семейного лада и интенсивной коммуникации, а случайным совпадением в том смысле, что каждый из супругов называет те ориентации, которые соответствуют общепринятым социальным нормам. Поскольку в обществе сейчас преобладают нормы малодетности, то в их пределах совпадения 1–1, 2–2 неизбежно носят массовый характер. Другое дело ориентации на трех и более детей – они девиантны, являются отклонением от бытующих норм и функционируют среди тех локальных групп, которые отличаются своим ценностным своеобразием. Поэтому принадлежность к этим референтным группам, идентификация с ними способствует совпадению девиантных ориентаций. Здесь высока роль внутригрупповых взаимодействий и, если иметь в виду семью, – внутрисемейного конформизма. При этом несовпадающие ориентации в пределах малодетности (1–2, 2–1) а также на смешанном уровне 2–3, 3–2 свидетельствуют о тенденции к дальнейшему сокращению установок детности. Но в любом случае эти несовпадения говорят больше всего о расхождении мнений супругов. Итак, за совпадением репродуктивных ориентаций надо видеть не только ценностное единство семьи, но и неизбежное в условиях перевеса норм малодетности, так сказать, стереотипное совпадение, когда респонденты называют те цифры, которые соответствуют принятым нормам и потому оказываются одинаковыми у разных людей. Совпадения также могут быть по проекции, когда другому приписываются

собственные установки или предположения, и подлинные совпадения на основе эмпатии - точного знания о намерениях другого в результате подлинной близости и доверительной коммуникации.

Таблица 1.2

Типы совпадения ориентаций супругов по желаемому числу детей в группировках фактической детности (1049 семей)

Группировки по совпадению семейных ориентаций (желаемая детность при необходимых условиях)	Бездетные (119 чел.)	Малодетные 1-2 ребенка (801 чел.)	Многодетные с 3+ детей (129 чел.)
Совпадение на 1-2	13.3%	86.7%	0.0%
Несовпадение на 1-2	21.4%	73.5%	5.1%
Несовпадение на 1-2-3+	10.2%	85.2%	4.6%
Несовпадение на 3+	6.5%	59.9%	33.6%
Совпадение на 3+	11.2%	63.5%	25.3%
Итого 1049 человек	11.3%	76.4%	12.3%

Настоящее воздействие супругов друг на друга, родителей на детей осуществляется не на основе стереотипизации или проекции, а благодаря эмпатии между супругами, и между родителями и детьми.⁵ Убеждающее воздействие родителей возможно при единстве их ценностной направленности на формирование сходных жизненных ориентаций у детей. Во всех остальных случаях отсутствия эмпатии можно говорить лишь об имитации семейного взаимовлияния. Отсутствие подлинного родительского влияния расчищает дорогу внесемейным воздействиям со стороны воспитателей детсадов, школ, интернатов и т. п. учреждений.

Кстати говоря, в любом случае разнородность внешних и внутренних влияний усугубляет социализацию и формирование базовых установок личности. Совпадения ориентаций на уровне

⁵ Антонов А.И., Медков В.М. Второй ребенок. М.1987

малодетности чаще встречаются в связи массовостью норм малодетности. Вместе с тем, на уровне среднететности, случайных так сказать совпадений может быть меньше, поскольку норм 3-4-х детности уже нет, они перестали быть преобладающими и подобающими. Они как бы отголоски былого, реликты прошлого, а нынешние факты среднететности – откат от общепринятого быта, удел третируемого меньшинства, впавшего в какую-то семейную ересь. Посему совпадения ориентаций супругов с тремя и более детьми имеют иной ценностный вес и всегда это редкостный итог супружеского ПСВ, внутреннего потенциала брака.

В таблице 1.3 представлены измеренные по СД семантическому дифференциалу различия в оценках мужа и жены той или иной детности в зависимости от группировок по степени совпадения установок супругов относительно малодетности и многодетности. Ясно, что подобные измерения возможны лишь при одновременных опросах семейных пар и что техника СД позволяет показать разницу в отношении супругов к одному и тому же объекту оценивания – в данном к типу детности. Увеличение арифметической величины СД свидетельствует о росте различий в субъективном восприятии типа детности.

Прежде всего следует отметить, что данные таблицы 1.3 подтверждают правильность осуществленных в нашем исследовании группировок по совпадению ориентаций мужей и жен. По ожидаемому числу детей наименьшие расхождения между супругами в оценках объекта «дети» (эталона позитивного восприятия) наблюдаются среди полярных групп по совпадению ориентаций на многодетность и малодетность 2.54 и 2.71, причем наименьшее значение СД 2.83 относится к двудетности в группировке по сходству на малодетность и СД 2.38 в группировке по согласованности мнений о многодетности. По желаемому числу наименьшая величина СД 2.59 связана с группировкой наибольшего сходства супругов по отношению к трехдетности, и в группе сходства ориентаций на малодетность величина СД - 2.64.

Таблица 1.3

Значения дифференциалов СД относительно различий
в восприятии мужем и женой типов детности в 5 группировках
по степени совпадения ориентаций на желаемые и
ожидаемые числа детей

Различия между мужем и женой относительно типа детности	Совпаде ние на 1-2	Несовпаде ние на 1-2	Несовпаде ние на 1- 2-3+	Несовпаде ние на 3+	Совпаде ние на 3+
Желаемое ЧД					
СД к бездетности	4,76	4,96	5,17	5,62	4,84
СД к однодетности	3,40	3,45	3,69	4,44	3,91
СД к двухдетности	2,64	3,78	3,00	3,29	2,86
СД к трехдетности	3,41	4,40	3,39	2,82	2,59
СД к понятию ДЕТИ	2,57	3,31	2,94	2,66	2,80
Ожидаемое ЧД					
СД к бездетности	5,05	4,98	5,24	5,54	5,22
СД к однодетности	3,77	3,62	3,95	4,26	3,70
СД к двухдетности	2,83	3,20	3,31	2,80	2,88
СД к трехдетности	3,23	3,63	3,31	2,69	2,38
СД к понятию ДЕТИ	2,71	2,99	3,15	2,28	2,54

Примечание: Максимальное различие по пяти применявшимся шкалам СД равно 13.4. минимальное различие – 0; (активное – пассивное, теплое- холодное, светлое – темное, сильное – слабое, твердое –мягкое)

Отношение к эталону негативности во всех пяти группировках наиболее отрицательное и варьирует от 4.76 до 5.62 в группах по желаемому числу и от 4.98 до 5.54 - по ожидаемому. Сравнение полярных группировок по совпадению ориентаций на малодетность и многодетность показывает незначительную разницу – от 0.05 и 0.07 по отношению к двухдетности и однодетности (по ожидаемому числу), и заметную дифференциацию 0.51 в отношении к однодетности (по желаемому числу). В целом расхождения супругов во всех группах и по отношению ко всем типам детности находятся в пределах от

2.38 до 5.62, т.е. в границах высокой и средней конгруэнтности установок.

Низкая согласованность супругов от 7.0 и выше не наблюдается даже в группировках по несовпадению ориентаций. Зона согласия установок несколько выше в группе 3+, чем в группе 1-2 лишь по желаемому числу, тогда как величины СД сходны в отношении ко всем типам оценивания, кроме трехдетности по ожидаемому числу. У многодетных (особенно в группе с несовпадением установок) больше расхождений мнений относительно однодетности, а у малодетных и также в группе с несовпадением ориентаций - в связи с трехдетностью. Таким образом ведущая роль социальных норм двухдетности делает свое регуляционное дело ввиду полного краха норм многодетности (с несколькими - тремя и более детьми).

Опыт семейной жизни сказывается на советах относительно будущей детности подрастающих поколений - однодетные супруги советуют иметь единственного ребенка в 9.6% случаев, двухдетные - 3.7% и 2.8% трехдетные. Двухдетную семью соответственно советуют 58.4- 56.8 – 37.7%, трех и более детей -25.9-34.4-51.6%. Этот тренд советовать свою детность сохраняется при одиночном (не парном) анализе детности в родительской семье респондента (РСП) и супруга/и/ респондента (РССР). Выходцы из трехдетных семей советуют трехдетность 38.6% РСП и 29.8% РССР, из семей малодетных -двухдетность 58.5%РСП и 57.5% РССР, и однодетность соответственно 22.5%; и 22.4%.

Но при парном анализе наблюдается нетранзитивность, - так в семейных парах с совпадением и несовпадением ориентаций на 1-2 детей и где супруги из родительских семей с 1-2 детьми советуют малодетность -32.2% и 5.2% -многодетность (!), и то и другое -15.8%. В диадах, где один из супругов из семьи с 3 и более детьми, а другой из малодетной советуют 1-2 детей 12.6%, 3 и более - 7.7%, советуют и малодетность и многодетность 9%. В парах, где оба из многодетных семей советуют 3 и более - 3%, советуют 1 и 2 и 3-х детей 5.1%, советуют малодетность 6.6%, т.е. в два раза больше чем многодетность. Если суммировать, то малодетных советов 51.4%, многодетных -15.9% и смешанных советов 1-2-3 = 29.9%. При этом супруги из малодетных семей с

ориентациями на малодетность советуют иметь одного-двух детей (15%), т.е. больше, чем троих и более детей (5.8%).

Нетранзитивность также характерна и для супругов из многодетных семей с совпадением установок на многодетность – они согласованно советуют иметь 1-2 детей -1.6% и 1.2% - троих и более. Негативная переоценка супругами из многодетных семей положения многодетных родителей в обществе минимизирует рекомендуемую детность, уменьшая долю советов многодетных до 3%. Однако, общественная атмосфера, создававшаяся в начале практикой материнского капитала, его направленностью на второго, а потом и третьего ребенка в семье, повидимому, повлияла на то, что супружеские пары из малодетных семей чаще, чем из многодетных советуют детям в будущем иметь трех и более детей -10.5% против 5.2%.

Следует напомнить, что в одновременном опросе родителей и детей, проведенном в 2004 г. среди 1000 сельских семей из 17 регионов России матери советовали сыновьям малодетность 68.2% и 6.9% многодетность, тогда как отцы соответственно 63.8% и 8.6%, и столько же дочерям –отцы соответственно 62.6% и 7.1%, матери 66.9% и 7.0%. В опросе 2020 года малодетных советов меньше -51% против 65.6% в среднем для дочерей и сыновей, а многодетных больше - 16% против 7.4%.

Матери на селе советуют сыновьям двухдетность в однодетных семьях в 3 раза чаще, чем дочерям (15,9 и 5,6%). Если в среднем 9% матерей ориентируют детей на трехдетность, то в трехдетных семьях в 3 раза больше таких советов – 28%. Отцы советуют двухдетность реже, чем матери – в среднем по всей выборке 62%, 12% – трехдетность, причем в трехдетных семьях ее советуют сыновьям на 5% чаще, чем дочерям. Однодетные отцы советуют дочерям чаще в сравнении с сыновьями однодетность (57,4 и 38,1%), а сыну – больше двухдетность (61,9 и 42,6%). Двухдетные отцы дают примерно одинаковые советы, где-то на 6% больше советуют сыновьям двухдетность и на столько же меньше – однодетность.⁶

Вышеприведенные данные парного опроса ПАОП 2020 косвенно подтверждают, во-первых, обоснованность

⁶ Антонов А.И. Семейный образ жизни в сельской России. М.2007.С.84-85, 44.

произведенных нами группировок по сходству - единству ориентаций, во-вторых, раскрывают через несовпадения мнений действительные различия супругов не только по репродуктивным установкам, но и в семейных коммуникациях, и во внутрисемейном общении. Расхождение мнений, наличие тенденций к завышению и занижению установок супруга во всех группировках говорит о том, что наряду с эмпатией (особенно заметной в семьях со сходством ориентаций на нескольких детей) действуют тенденции позитивной и негативной проекции вместе со стереотипизацией, когда у другого человека, исходя из общепринятых норм, предполагают наличие отсутствующих у него фактически установок. Но важнее всего обнаруженная при парном опросе обоюдная склонность к многодетности у 46.5% многодетных диад (129 из 1049 семей) и также у 29% малодетных пар (из 801), при этом интересна противоречивость смешанных ориентаций на 1-2-3+ детей среди 39.7% малодетных супругов (из 801), которая может в принципе использоваться при умелой активизации в 20-е годы XXI века демографической политики по научно обоснованным планам-проектам семейно-детного развития.

Дифференциация репродуктивных событий и ориентаций мужей и жен в семьях с совпадением установок в зависимости от потенциала детности и в связи с фреймированием рутинных и проблемных ситуаций репродуктивного цикла супругов

Социальный потенциал семьи как гипотетический потенциал детности представляет интерес и теоретический, и практический с точки зрения его полной реализации средствами семейно-демографической политики. Поскольку в современном социуме все семьи уже никогда не станут даже (хотя бы) трехдетными, целесообразно в соответствии с демографической традицией, заданной выдающимся отечественным демографом В.А. Борисовым в его концепции гипотетического минимума

естественной рождаемости⁷ определить именно минимум потенциально возможной детности в нынешних репродуктивных контингентах.

Необходимое число детей в семье для обеспечения простого воспроизводства населения (с учетом компенсации эффективными брачными союзами неизбежно бездетных и однопородных) давно уже названо Борисовым – это 35% двухдетных семей, 35%-трехдетных, 15% - четырехдетных и 2% семей с тремя и более детьми, т.е. многодетных в строго демографическом смысле слова. Это норматив, устраняющий перспективу убыли населения и, увы, не соблюдаемый в так называемых развитых странах уже несколько десятилетий. В нашей стране примерно 60% однопородных семей, около 30% двухдетных, 10% с тремя и более детьми, т.е. неблагоприятное положение депопуляции, обусловленное сверхнизкой рождаемостью (СКР в пределах 1.5) и длящееся с начала 90-х годов т.е. три десятилетия. В пределах таковой структуры детности целесообразно определить потенциал, минимальный объем возможной среднеродности и многодетности в семейных парах. Этот гипотетический минимум «многодетности» (3-4 и более детей) позволит понять правдоподобность возможной его реализации и, тем самым, обозначить перспективы торможения и устранения депопуляции в будущем.

Для этого сначала надо установить и вычесть из расчета долю тех, кто полностью реализовал свои репродуктивные установки на 1-2, свою общесемейную потребность в мало- и мини-детности, что возможно при наличии ПСВ- малодетности (совпадения ориентаций супругов на 1-2 детей), когда сходство установок в паре согласуется с фактической малодетностью (потребность семьи полностью удовлетворена имеющимся числом детей (ПВД = ЧД, $1=1, 2=2$). Вообще абсолютная согласованность установок (потребности в детях) супругов с фактической детностью на любом уровне и даже на 3=3, 4=4, 5=5 и т.д. не образует никакого потенциала детности.

⁷ Борисов В.А. Перспективы рождаемости. М.1976; ОН же. Демографическая дезорганизация России:1897-2007. М.2007; ОН же: Демография. Учебник.1998, 2004.

Однако, если имеется согласованность типа $3+ = 3+$ «сколько бог пошлет», т.е. когда конечное число не эксплицируется и тем самым финальная детность не конкретизируется парой, тогда потенциал детности растет, но определение его максимума не имеет смысла – в этом случае достаточно понимания того, что у супругов обоюдное согласие по отказу от ограничения себя каким-либо числом детности. Тем не менее, наблюдающиеся добровольные аборты и при 3-4-х детях, и при 5-7 обусловлены наличием четкой установки на приемлемость тайминга рождений (совершаемые после искусственного аборта ИА рождения последующей очередности подтверждают действенность типа $3+=3+$).

В случае однодетности и несходства ориентаций супругов (один хочет 2, другой 1) наблюдается потенциал двудетности и его частичная реализация (а желательна-полная), что и ведет к увеличению коэффициентов рождаемости при материальной поддержке семей (сюда надо добавить несогласованность тех, где один из пары хочет 3 при двудетности, а другой 2 детей). Непоследовательность ориентаций в паре предполагает также вариант бездетности, когда один из супругов хочет $3+$, а другой 1 или 2, также один - 2, другой -1, наконец один-0 другой 1или 2 или $3+$ (вариант $0=0$ добровольной бездетности не наблюдался в нашей выборке).

Подобная нетранзитивность таит некую степень потенциальной детности и ее возможной реализации, что доказывает неприемлемость жесткой трактовки настроений малодетного большинства населения, как якобы категорически неприемлющего трехдетность и большее число детей в семье. Идеология малодетоцентризма заставляет утверждать, что раз люди хотят иметь столько детей «сколько хотят», то и не надо их толкать и побуждать к еще большему, это, дескать, нарушение свободы выбора и воли, это навязывание должного, принуждение к догмам произвольно трактуемого общественного интереса, это вмешательство в приватный мир личности и т.п. Но получается, что в парах есть диссонанс и значит всегда один из супругов хочет больше детей, чем другой. Данные нашего исследования таковы, что из 801 семей с 1-2 детьми лишь 194 пары твердо стоят на почве малодетного образа мыслей, тогда как супруги в 151 семье

согласованно ориентируются на троих и более детей. В остальных случаях нет супружеского единодушия и согласия – в 318 семьях несовпадающие установки на 1-2 и 3+детей, в 52 нет согласия между тем, кто хочет 1 и тем, кто 2. Более того, в 86 семьях есть расхождение между склонными к 1-2 и ориентированными на 3+детей.

Таким образом, три четверти малодетных супругов характеризуются различием ориентаций и вовсе не согласованно хотят разное число детей. Налицо разлад, который игнорируется сторонниками малодетности, они считают, что все хотят «мало», перечеркивая намерения тех, кто хочет больше. Семейная солидарность трактуется односторонне в угоду собственной концепции малодетности. Этот парадигмальный произвол хорошо согласуется с отказом от социолого-демографических исследований пар супругов. Вот пример того, как идеология карежит методологию научного поиска. Более того, тактика демографической поддержки тех, кто внутри малодетной семьи хочет большую детность воспринимается противниками политики стимулирования рождаемости как «навязывание» семьям чуждых им интересов или ориентаций, как грубое «вмешательство» в свободу выбора «семьей» своих действий.

Но здесь явная подмена семейного Мы отдельным Я, семейной свободы согласовывать установки друг друга, свободным выбором одного из супругов. Разброд репродуктивных мнений в брачной диаде – это факт внутрисемейного бытия. И в определенном смысле он характеризует кризисность «современной минисемьи максиразводного толка». Весь строй жизни в современном социуме сфокусирован на индивиде и на внесемейных притязаниях его. И вопрос в том, сможет ли активизация демографической политики противодействия убыли населения преодолеть этот эгоцентризм посредством фамилизма.

Однако, и в многодетном ареале семейности, как уже отмечалось выше, дела обстоят если и не хуже, то вряд ли лучше – в 60 семьях из 129 совпадают установки на 3-х и более детей, не совпадают в 48, в 17 – установки на мало и много детей, и в 4 диадах один из супругов жаждет 1 ребенка, а другой – 2 детей. Нетранзитивность ориентаций присуща также и группировкам по

многодетности. В связи с этим возникает задача определения потенциала детности в исследуемой совокупности семейных пар для того, чтобы затем оценить вероятность его полной и частичной реализации в постоянно изменяющихся условиях жизни семьи и социума.

Анализ совпадающих (по желаемому числу детей) ориентаций мужей и жен в парах с разной детностью и с разной семейной историей всех исходов беременностей позволил выделить четыре типа потенциала рождений. Многодетные пары с желаемым числом 3+ и более детей со сходными (60 пар) и несовпадающими (48 пар) ориентациями (см. табл. 1.4) на многодетность образовали так называемый идеальный потенциал многодетности (108 семей из 1028, т.е. 10.5%, поскольку тут у всех пар нет фиксации на конечном числе детей (допустим могут иметь 4-х детей, потом в связи с действием установок на сроки рождений будут применять контрацепцию и даже в случае контрацептивной осечки идти на аборт, чтобы в соответствии с установкой на 3+ детей затем родить 5го и далее до понижения плодovitости из-за болезней, либо иных обстоятельств).

Сильный потенциал детности образуется у 26.5% выборки (273 семьи) из суммирования бездетных и малодетных пар с несовпадением установок на 3 и более детей (9 + 86 пар) и со сходством ориентаций на многодетность (27+151). Слабый потенциал детности сформирован из 356 (38+318) пар бездетных и малодетных с несовпадением смешанных ориентаций на 1-2-3+ детей и составляет 34.6% от совокупности 1028 пар. По сути - это потенциал малодетности, при реализации которого под влиянием возможного повышения пособий на детей вероятно повысится доля двудетности и в крайне незначительной мере доля трехдетных семей. И наконец, четвертый тип - это минипотенциал (291 семья-28.4% выборки), где совпадают установки супругов на 1=1 и 2=2 детей среди 224 пар бездетных и малодетных, и несовпадают соответственно у 15 и 52 пар. Здесь нет вообще ориентаций на трех детей и в лучшем случае можно надеяться лишь на увеличение доли двудетности.

Таблица 1.4

Соотношение фактической детности пар с группировками
по степени совпадения желаемых чисел супругов

Группировки по совпадению ориентаций (желаемая детность при всех необходимых условиях)	Бездетные	Малодетные 1-2 ребенка	Многодетные с 3+ детей
Совпадение на 1-2	13,3%	86,7%	0,0%
Несовпадение на 1-2	21,4%	73,5%	5,1%
Несовпадение на 1-2-3+	10,2%	85,2%	4,6%
Несовпадение на 3+	6,5%	59,9%	33,6%
Совпадение на 3+	11,2%	63,5%	25,3%
Всего	11, 3%	76,4%	12,3%

Гипотетически минимальный потенциал многодетности следует признать лишь у четверти супружеских пар с 0-2 детьми (26.5%), а строго говоря у 178 пар (17.3% от 1028 пар), где имеется ПСВ – четкая согласованность установок на трех и более детей, или неудовлетворенная потребность семьи в трех детях. При этом вопрос заключается в степени реализации этой потребности, которая зависит от интенсивности её. Так в исследовании 1343 двухдетных москвичек «Москва 1978» лишь 7.4% имели потребность в трех детях, причем 5% - независимо от любых условий. При повторном опросе в 1982 г. среди первых респондентов т.е. собиравшихся родить третьего при всех необходимых условиях сделали это лишь 6.7%, тогда как среди вторых, желавших малыша при любых условиях, а точнее говоря, независимо от них, оказалось третьих рождений больше в три с лишним раза -25%.⁸ Таким образом, лишь четверть собиравшихся обзавестись третьим ребенком во чтобы то ни стало осуществили своё желание вопреки всему. Чем сильнее потребность в детях, тем выше реализация её, хотя со временем потребность все же ослабевает и проблема в том, как измерять эту интенсивность. Используемая в данном исследовании техника семантического

⁸Антонов А.И., Медков В.М. Второй ребенок.М.1987. С.259.

дифференциала является одним из методов подобного (т.е. независимо от условий жизни) измерения.

Вместе с тем, выявление степени совпадений установок супругов по желаемому и ожидаемому числу детей при сопоставлении с результатами репродуктивного поведения, с исходами беременностей показывает более высокую реализуемость малодетных рождений и ослабление потенциалов детности, в особенности минимального потенциала многодетности в случае использования ожидаемого числа, учитывающего существующий образ и уровень жизни супругов. Так среди 956 давших ответы пар по желаемому числу было 20% рождений РЖ, 18.4% искусственных абортов ИА и 16.8% отсутствия рождений ОР, и среди 918 пар по ожидаемому числу соответственно 60% - 19.2% - 16.7%. Итак, по ожидаемому числу в 3 раза больше РЖ, чуть больше ИА и одинаковое ОР, по-видимому, в связи с пониженной плодovitостью.

Интерес вызывают впервые полученные данные по интервалам рождений и по среднему возрасту рождений 1-й, 2-й, 3-й и последующих очередностей рождений в зависимости от группировок по совпадению ориентаций супругов в выборках по желаемому и ожидаемому числу детей. (См. табл. 1.5). По желаемому числу детей возраст рождения первенца менее всего в двух группировках по 3+, на 0.36 года менее при рождении второго в группе 3+ в сравнении с 1-2 в парах с совпадением мнений, где протогенетический интервал также на 0.63 меньше у многодетных в сравнении с малодетными. По ожидаемому числу протогенетический интервал почти в 3 раза меньше среди пар с совпадением установок на 3+, чем на малодетность и в 5 раз меньше, чем среди несовпадающих установок на 3+. В двух группировках с установками на 1-2 детей интервал протогенетический примерно 1.5 года, тогда как интергенетический интервал у супругов без совпадения мнений в 2 раза больше, чем среди ПСВ 1-2. Несогласованность ориентаций по ожидаемому числу ведет к увеличению интервалов и у малодетных и у многодетных супругов, хотя по желаемому числу эта особенность проявляется у малодетных пар, причем в парах с согласованием установок на 1-2 и на 3+ интергенетический интервал совпадает полностью.

Таблица 1.5

Дифференциация среднего возраста рождения детей 1-й, 2-й и 3-й очередности и интервалов рождений по 5 степеням совпадений установок супругов в выборках по желаемому и ожидаемому числу детей

Степень совпадения	Возраст рождения первенца	Возраст рождения второго ребенка	Возраст рождения третьего ребенка*	Интергенетический интервал (лет)	Протогенетический интервал (лет)
Желаемое ЧД					
Совпадение на 1-2	24,36	29,31	--	5,38	1,69
Несовпадение на 1-2	24,17	25,49	--	3,30	2,06
Несовпадение на 1-2-3+	24,88	28,05	27,71	4,22	0,98
Несовпадение на 3+	23,84	28,83	33,71	5,93	1,23
Совпадение на 3+	23,75	28,65	32,55	5,38	1,06
Ожидаемое ЧД					
Совпадение на 1-2	24,54	28,95	30,25	5,33	1,47
Несовпадение на 1-2	25,06	31,32	--	10,55	1,63
Несовпадение на 1-2-3+	22,84	28,46	34,38	5,12	0,81
Несовпадение на 3+	24,71	28,28	32,33	5,56	2,51
Совпадение на 3+	23,12	27,40	32,23	4,32	0,52

Таким образом наличие ПСВ, семейного МЫ, семейной солидарности и сплоченности проявляется демографически через сокращение интервалов, через уменьшение среднего возраста рождения первенца и увеличения возраста рождения последнего ребенка (после 3-го и последующих детей). Фактор семейного лада тормозит рост возраста рождения и сокращает сроки рождения детей, что заметнее всего в группировках по ожидаемому числу детей в семье.

Дифференциация репродуктивных событий в семьях на протяжении всего семейного цикла применительно к каждому из 4-х типов потенциала детности такова, что наибольшее среднее число зачатий - 3.43, наблюдается в парах с идеальным потенциалом, затем 2.47 - с сильным, 2.02 со слабым и 1.60 с минипотенциалом. Соответственно распределились и доли рождений РЖ среди всех беременностей от 0.86 к 0.73. При этом доля искусственных абортов ИА оказалась следующей 0.07- 0.11-0.07 -

0.04. Отсутствие рождений ОР из-за мертворождений МР и СА спонтанных аборт в разных типах потенциала выглядит так 0.09 – 0.27 – 0.30 - 0.16. Не должно смущать то обстоятельство, что доля рождений РЖ ниже всего, а доля ИА выше в сильном типе потенциала, т.к. в нем представлены пары бездетные и малодетные с несовпадением ориентаций на 3+. Скорее всего интенсивность потребности в трех детях одного из супругов неспособна преодолеть силу потребности в одном-двух другого и потому отсутствие ПСВ ведет к тому, что среди малодетных пар, чем слабее потенциал, тем больше процент СА и МР, хотя по среднему числу рождений РЖ тот же тренд, как и по среднему числу беременностей (см.табл. 1.6).

Таблица 1.6

Дифференциация репродуктивных событий в зависимости
от потенциала рождений

Число репродуктивных событий	Идеальный потенциал	Сильный потенциал	Слабый потенциал	Мини- потенциал
Всего беременностей	3,43	2,47	2,02	1,60
Всего рождений	2,97	1,73	1,46	1,31
Доля рождений (среди всех беременностей)	0,86	0,69	0,71	0,73
Всего аборт	0,34	0,37	0,19	0,09
Всего ОР (выкидыш, мертворождение)	0,09	0,27	0,30	0,16
Доля аборт (среди всех беременностей)	0,07	0,11	0,07	0,04

Новая типология потенциала детности сформирована введением нового критерия – числа советуемых супругами детей. Потенциал фамилизма образован за счет пар уже имеющих нескольких детей (2 и более), где хотя бы один из супругов вырос в многодетной семье родителей (1 из 3+) и советует собственным выросшим детям иметь троих или более сиблингов (разумеется, здесь же и пары с совпадением ориентаций на 3+). Таковых

оказалось 190 пар из 999 (19%). Потенциал малодетности сформирован на базе мини-потенциала (292); состоит из малодетных пар (296 – 29.6, у которых родители также имели не более двоих детей в семье, и где ни один из супругов не советует иметь в будущем более двух детей. Промежуточный потенциал (513 – 51.3%) составлен из сокращенных по численности слабого и сильного потенциалов.

Среднее число беременностей 3.05 у потенциала фамилизма, 2.14 у промежуточного потенциала и 1.82 у потенциала малодетности. Этот тренд наблюдается и по среднему числу рождений 2.36 – 1.63 – 1.39, и по доли рождений среди всех беременностей 0.76 – 0.74 - 0.68. Чем слабее потенциал детности, тем меньше число беременностей и рождений, и ниже доля ИА, и меньше среднее число ИА соответственно 0.30 – 0.26 – 0.11, и также число ОР (СА, МР), соответственно 0.33 – 0.19 – 0.24. Выше уже было отмечено, что у фамилистов с открытыми установками на 3+детей, с неудовлетворенной потребностью семьи в нескольких детях неизбежны ИА и последующие РЖ в связи с установками на сроки рождений. Теперь рассмотрим репродуктивные события по трем типам ПД. Больше всего РЖ у фамилистов 171 из 179 (95.6%, в двух других типах ПД 442 из 463 и 229 из 247), также больше ОР (пониженная плодовитость СА и МР) 39 из 179 (21.7%), в сравнении с двумя другими типами ПД 14.8% и 17.6%, далее ИА 19.6% - 18.3% - 8.8%. Наконец у фамилистов выше также процент отказов от ответа 11.1% против 7.9% и 6% (следует отметить, что поскольку одни и те же женщины могут прибегать к различным исходам беременностей, общая сумма процентов превышает 100).

Расчет величин СД между детьми и бездетностью (Дети – 0 детей) отдельно по оценкам жен и мужей показал сходство тенденций при сравнении супругов из четырех и трех типов потенциала детности. Так оценки жен и мужей Дети – Бездетность были в ИД идеальном потенциале детности 8.81 и 8.65, в сильном ПД 8.66 и 8.90, в слабом ПД 8.85 и 7.87 и в минимальном ПД 6.90 и 6.95. В группировке по трем типам ПД эти цифры были в фамилистическом ПД 9.87 и 9.08, в промежуточном ПД 8.16 и 8.16, наконец в малодетном ПД 7.44 и 6.82.

Среди пар фамилистов семантическая дистанция между объектами ДЕТИ и НЕТ ДЕТЕЙ больше, чем в идеальном и сильном ПД, также больше различие в оценках мужей и жен, причем нет различий между супругами из мини – потенциала, и из промежуточного ПД, тогда как различия между ними существенны в слабом ПД и в потенциале малодетности. Следует отметить, что различия оценок между крайними типами ПД контрастнее в трех группировках ПД между ПД фамилизма и малодетности, причем резче выражены у жен (9.87 и 7.44), и у них же при сравнении ПД идеального и минимального (8.81 и 6.90). Разбивка по трем типам ПД более обоснована по фамилистической направленности и к тому же численно больше.

Результаты социолого-демографических исследований, проведенных кафедрой социологии семьи и демографии МГУ, позволяют наполнить конкретным эмпирическим содержанием, разработанную в 70-е гг. в двух диссертациях автора данного раздела (Антонова А.И.) схему диспозиционной регуляции репродуктивного поведения семьи и личности, прежде всего схему фреймирования ситуаций, способствующих либо нет удовлетворению потребности в детях. Схема на рисунке 1-4 представляет современное развертывание естественного РЦ репродуктивного цикла семьи Коитус– Зачатие– Роды, которое в пределах нормальной плодовитости предполагает НАП неприменение абстиненции для функционирования практики Коитус, неприменение контрацепции НПК для наступления Зачатия и неприменение искусственных абортсв НИА для сохранения беременности и благополучного живорождения РЖ.

Поведение супругов в настоящее время сопряжено с ПК перед каждой беременностью и с увеличением ПК от 1-й до 6-й беременности с 16.2% до 29.8% и с уменьшением НПК с 74.5% до 67%, а также с ростом ИА соответственно с 3.8% до 30.1%. Сравнение с данными исследования Москва 1978, где опрашивались двухдетные матери до 35 лет показывает как наличие многодетных семей в нашей выборке сказалось на показателях ИА, которые в 1978 году увеличивались с 5.8% при 1-й беременности до 74.4% при 6-й, а показатели РЖ уменьшались с

87.8% до 19.6% тогда как у нас с 83.2% лишь до 31.4%.⁹ Пары в группе фамилистического потенциала все состоят в зарегистрированном браке, со стажем брака свыше 25 лет пар в 2.4 раза больше, чем в других ПД; у мужа и жены высшее образование среди 35.8% пар в сравнении с 21.8% и 23% в других ПД. У фамилистов примерно на 10% больше домашних хозяек, на 15% выше доля пар с доходом 20 тыс. руб. и менее, на 15% больше пар с одной религией.

В данной выборке семей отмечается по ответам жен уменьшение с 1-й до 6-й беременности РЖ с 83.0% до 31.4%, снижение доли НПК с 74.5% до 67%, рост ПК с 16.2% до 29.8%, увеличение доли ОР (СА+МР) с 7.5% до 24.4% и рост ИА (без медицинских показаний) с 3.8% до 30.1% включительно. Начнем анализ рутинных и проблемных ситуаций с самой важной рутинной ситуации НПК – З – Р, когда настрой на рождение Р ведет к ожидаемым результатам К – З – Р через НПК и после З зачатия к исключению ИА в надежде на рождение РЖ здорового ребенка. Эта первая рутинная ситуация, когда ожидания совпадают с результатами поведения 1РП (НПК – З – Р) представлена здесь дифференциацией ответов жен и мужей в соответствии с 5 группировками совпадения мнений супругов по желаемому числу детей. Разумеется, учитываются по выборочной совокупности исходы всех беременностей на момент одновременного опроса супругов. Ситуация 2 РП это рутинная ситуация, связанная с невозможностью излечения бесплодия и с бесполезностью дальнейших попыток вернуть плодovitость.

Обсуждаемая ситуация 1РП характеризует наличие нормальной плодovitости, понижающейся с возрастом, что подтверждается повышением НПК с 26.5% у 30-39летних до 85.7% у 40-49летних к концу репродуктивного периода. Заметнее всего эта ситуация у более молодых пар с установкой на малодетность (86.8% в группе с несовпадением мнений и 80.4% - с совпадением). Реже всего 1РП встречается в группе с совпадением установок на многодетность - 74.2%.

⁹ См. Антонов А.И., Медков В.М. Второй ребенок. С. 61.

Рисунок 1.4

Рутинные и проблемные ситуации репродуктивного цикла семьи

Рутинное поведение (ожидаемые результаты)					Проблемное поведение (неожидаемые результаты)					
1РП	Р	←	3	←	НПК	→	ОЗ	→	?	1ПП
2РП	ОР	←	ОЗ	←	НПК	→	ОЗ	→	ОЗ?	2ПП
3РП	ИА	←	3	←	НПК	→	3	→	СА?	3ПП
4РП	ОР	←	3	←	НПК	→	3	→	МР?	4ПП
5РП	ИА	←	3	←	ПК	→	3?	→	ИА?	5ПП
6РП	Р	←	3	←	ПК	→	3?	→	Р?	6ПП
7РП	МР, СА	←	3	←	ПК	→	3?	→	ОР (СА?МР?)	7ПП
	ПК	←	ОЗ	←	ПК					

Условные обозначения:

З, ОЗ – зачатие, отсутствие зачатия
 Р, ОР – рождение и его отсутствие
 МР – мертворождение

ИА – искусственный аборт
 СА – спонтанный аборт
 РП, ПП – рутинное и проблемное поведение

Ситуации 1ПП и 2ПП, связанные с отсутствием зачатия не выделяются в данной процедуре анализа, а входят в одну категорию ОР, наряду с ситуациями 3ПП и 4ПП, где зачатие заканчивается выкидышем СА (3ПП) и МР мертворождением (4ПП). Отсутствие рождений сразу по 4-м ситуациям больше проявлено у пар с совпадением на малодетность - 14.5% и менее всего у пар с совпадением установок на многодетность 8.8%. Но в разбивке по трем ПД можно определить долю мертворождений отдельно от доли выкидышей (правда при одновременном ПК и НПК) - это 1.3% МР и 20.6% СА у фамилистов против 3.2% МР и 13.5% СА у ПД 1-2. Таким образом можно считать, что ОР 14.5% включает в себя примерно 11.5% СА и 2.8% МР., но поскольку у наших респондентов НПК в 3 раза больше, чем ПК, то в СА будет где-то 8.5% при НПК и 3% при ПК, тогда как 2.8% МР можно представить как 2% при НПК и 0.8% при ПК. Эти цифры говорят о преимущественном влиянии пониженной плодовитости на ситуации 1-4 ПП, и о необходимости обращения к врачам.

Еще одна ситуация НПК обусловлена потребностью в 3+ детях, но связана с возможным выбором ИА в случае наступления

зачатия (ситуация ЗРП). Примерно 10% наших пар настроены подобным образом, но отчетливее всего диспозиция такого рода проявляется у пар с совпадением ориентаций на 3+ = 13.8% и 12.5% = с несовпадением, тогда как в парах с несовпадением мнений на 1-2-3 детей - 9.3% и с несовпадением на 1-2 = 4.7% при 3.9% у пар с совпадением ориентаций на 1-2. Обычно этот феномен НПК-3-ИА толкуют как признак бескультуры вообще и контрацептивного в частности. Однако в нашей выборке выше всего доля мужей и жен с высшим образованием именно у многодетных респондентов, которые не сфокусированы ригидно на финальном числе детей в семье, а обладают гибкостью в связи с наличием мобильных установок на сроки рождения. В силу различных обстоятельств ситуация определяется как несовместимая с рождением ребенка и откладывается реализация неудовлетворенной потребности в детях на потом (история исходов 13 беременностей среди ориентированных на 3+ показывает, что это «потом» действительно наступает). Неприменение контрацепции среди ориентированных на 3-х и более детей на всем протяжении семейно-репродуктивного цикла жизни, т.е. мотивированных потребностью семьи в нескольких детях нельзя понимать вульгарно как использование аборта в качестве своеобразной замены контрацепции.

В связи с этим рассмотрим рутинные ситуации 5РП и 6РП. Ситуация 5РП контрацептивной осечки ПК-3-ИА наблюдается у 16.9% пар, при этом у 30.2% среди несовпадающих по 1-2 пар и у 17.9% с совпадением мнений, в среднем 22% у всех на малодетность ориентированных. Среди желающих 3+ около 20.6% пар сталкиваются с ситуацией «осечки» и менее всего 14.3% - у пар с несовпадением установок на 1-2-3+ детей. Ситуация 6РП (ПК-3-Р) более дискуссионная, т.к. склонные к ригидному детерминизму ученые считают, что рождение ребенка при ненадежности практики ПК вынуждает супругов к рождению «нежеланного ребенка». В среднем пар такого рода оказалось 67.1%, причем чуть больше этот процент у многодетных (примерно 73%), и меньше всех у пар с несовпадением желаний на 1-2-3+ = 56.5%. Противоречивость диспозиционного взаимодействия элементов репродуктивного поведения супругов не позволяет жестко оценивать неизбежность ИА в случае зачатия при практике ПК.

Однако до сих пор многие ученые, игнорирующие репродуктивное поведение как промежуточное звено между «факторами» и показателями рождаемости утверждают, что большинство рожденных в стране – «нежеланные дети».

Ситуация эффективной контрацепции ПК – ОЗ– ПК не может быть представлена отдельно из-за принятой процедуры обработки анкетных данных и входит составной частью в ситуацию 7 РП (ПК–З–ОР), где учитываются СА и МР. В среднем по выборке 10.9% супругов сталкиваются с этой ситуацией – чуть меньше, чем 11.4% пар, где отдельно не выделены НПК – З –ОР и НПК – ОЗ – ОР. Из-за недостатка данных для статистической значимости выводов нет смысла сопоставлять доли 5 группировок по совпадению мнений в парах.

Однако следует обратить внимание на то, что отсутствие рождений ОР оказалось примерно равным среди применяющих и не применяющих контрацепцию, чем подтверждается влияние пониженной плодовитости в связи с ОЗ – СА – и МР на отсутствие рождений. Воздействие ИА на ОР как социального фактора оказалось значительнее фактора физиологии и важен также тот итог, что практика контрацепции, обусловленная низким уровнем потребности семьи в детях, негативнее по своим последствиям на ОР, чем понижение способности к зачатию, нормальному вынашиванию беременности и живорождению. Проблема сверхнизкой рождаемости и депопуляции - это проблема социального здоровья общества и крайне незначительной реализации социально-природного потенциала населения.